

Літаратура

1. Гайда, С. Что такое стиль? / С. Гайда // Стилистика как речеведение: сб. науч. трудов славянских стилистов, посвященный памяти М.Н. Кожиной. – М., 2013. – С. 25–34.
2. Горошко, Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е.И. Горошко // Жанры речи. – Саратов, 2009. – С. 11–127.
3. Дускаева, Л.Р. Интенционально-стилистический анализ как направление изучения типологии речи / Л.Р. Дускаева // Стилистика как речеведение: сб. науч. трудов славянских стилистов, посвященный памяти М.Н. Кожиной. – М., 2013. – С. 41–48.
4. Дускаева, Л.Р. Варьирование публицистической картины мира в медиатекстах / Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский // Медиаскоп. – 2012. – Вып. 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1131>.
5. Дускаева, Л.Р. Интенциональная стилистика: объект, предмет и базовые понятия / Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова // Жыццём і словам прысягаючы...: материалы Междунар. науч. конф. – Минск, 2012. – С. 188198.
6. Карпова, Т.Б. Русская речь в неофициальном интернет-общении / Т.Б. Карпова // Stylistica. – Вып. XVI. – Opole, 2007. – С. 479–492.
7. Кобозева, И.М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике / И.М. Кобозева. – М., 2003.
8. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М., 2008.
9. Кронгауз, М. Публичная интимность // Знамя. – М., 2009, № 12. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/>.

Наталья Пятаева

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
(Россия)*

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОПИСАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Особенностью современной науки является системно-структурный подход к явлениям объективного мира. Системное описание объекта предполагает рассмотрение его как некоторого целого, включающего части, единицы, элементы, соединённые определёнными отношениями, образующими структуру данного целого – системы. Людвиг фон Бергаланфи [3] рассматривал общую теорию систем в качестве программы широкого междисциплинарного синтеза научного знания, трактуя её как новую науку о целостности, онтология и методология которой ориентируются на восходящий к Аристотелю «организмический принцип»,

обычно выражаемый в краткой формуле: «целое – больше суммы своих частей» [1, с. 183].

Специфика системного подхода наиболее отчётливо проявляется в контексте комплексных научно-технических проблем, связанных с познанием, конструированием и управлением сложноорганизованными эволюционирующими системами. В естествознании с такими системами имеют дело биология, экология, информатика, науки о земле, физика. Следующий шаг – распространение системного мышления на изучение антропо-социо-культур-ных объектов, которые отличаются от живых организмов 1) особым характером функционирования – целенаправленно-избирательным, духовно-регулируемым, свободным (поэтому нелинейным), т.е. культурным и 2) тем, что их функционирование перерастает в развитие, что позволяет включить в методологию системного исследования историческую, генетически-прогностическую линию анализа системы, наряду со структурной и функциональной.

Принцип системности формулируется так: «любой объект есть объект-система и любой объект-система принадлежит хотя бы одной системе объектов одного и того же рода; все системы обладают эмерджентными (от англ. *emergence* ‘возникновение нового’) признаками; они обязательно полиморфичны, диссемитричны, противоречивы в одних отношениях и изоморфичны, симметричны, непротиворечивы в других; в них всегда реализованы все или часть форм изменения, развития, сохранения, действия, отношения материи. Наглядная и со школьной скамьи известная иллюстрация сказанного – атом: он является атомом-системой, принадлежащей системе атомов (выраженной таблицей Д.И. Менделеева), в которой мы находим все перечисленные «атрибу-ты» системности» [16, с. 3].

С учётом современных научных данных, «биологическая теория познания как теория самоорганизующихся систем (автопоэза) исходит из того, что самоорганизация в физическом пространстве есть основа жизни. <...> Способность к самоорганизации как определяющее свойство живой системы с точки зрения биологии первично по отношению к таким обычно выделяемым свойствам, как размножение, эволюция, рост, реактивная способность и адаптация: автопоэз в физическом пространстве есть необходимое и достаточное условие для того, чтобы система была живой» [14, с. 84]. Иначе говоря, жизнь возможна только в воплощённом виде, поскольку живые существа имеют физическую природу, они обладают плотью и границами, которые сами же создают и поддерживают. Автопоэз есть особый вид гомеостаза, при котором

сохраняется не одно какое-то свойство, а организация самой системы как единого целого. Вместе с тем, некоторые автопоэзные системы обладают самоподдерживающейся тождественностью, не существующей в физическом пространстве. Человеческое общество, например, состоит из организмов, тесно сцепленных не только физическими отношениями, но также семантической (языковой) коммуникацией. Самоорганизация общества обеспечивается самосвязующей и самоподдерживающей совокупностью общественной практики, в пределах которой выделяются подсистемы межкультурной коммуникации, обладающие собственным автопоэзным единством.

Е.Н. Князева считает, что «сегодня формируется некий новый нетрадиционный взгляд на мир – синергетическое видение мира» [7, с. 4]. В новой – синергетической – картине мира акцент падает на становление, коэволюцию, когерентность, кооперативность элементов мира. В синергетическом мировоззрении мир предстаёт не только субстанционально – в виде объектов, субстанций, процессов, но и определяется как формообразование, самоорганизация, саморазвитие. Главное здесь – связь, переход, отношение Хаоса (беспорядка) и Космоса (порядка). Синергетическое мировоззрение представляет мир своеобразным динамическим единением хаоса и порядка, «при этом мир рассматривается как саморазвивающееся триединство Природы – Общества – Человеческого Духа в их универсальности, синхронности, тождественности и разнообразии» [15, с. 11].

Есть основания предположить, что в связи с интенсивным развитием синергетики «в науке происходит сейчас не меньшая, а, скорее всего, даже более глубокая и масштабная по своему характеру революция, чем научная революция, вызванная возникновением на рубеже нашего века теории относительности и квантовой механики» [6, с. 24]. «Новая синергетическая парадигма, – пишет в своей знаменитой книге В.И. Аршинов, – принципиально плюралистична, коннотативна, ориентирована на сетевое мышление ИНТЕРНЕТ, включая в себя также и сценарии «Большой истории» (от Большого космологического взрыва до *homo sapiens*) и новую «науку о сложности», науку о взаимопереходах: «порядок – хаос», на фрактальной границе которых живут сложные эволюционирующие системы, среди которых одной из самых загадочных является телесно воплощённый человеческий мозг и созданные им в кооперативном взаимодействии с другими мозгами автопоэтические языки человеческого общения» [2, с. 179].

Одним из следствий междисциплинарного диалога стало зарождение в конце XX века лингвосинергетики на основе идеи И.Р. Пригожи-

на о конвергенции (сближении) мира человека и мира окружающей его природы. Синергетика как новое мировидение ликвидирует пропасть между этими двумя мирами, ибо устанавливает общие механизмы самоорганизации, присущие и тому и другому. Тем самым наука, в том числе и естествознание, становится гуманитарной, очеловеченной, а сложному миру человеческой субъективности, в свою очередь, не чужд научный – синергетический – подход. Учёные приходят к выводу о том, что изменения, происходящие в современном языке, свидетельствуют о его саморегулирующей способности, направленной на создание, сохранение или возвращение к равновесной системе. На многочисленных примерах из русского и других языков, отражающих проявление лингвистической изменчивости, доказываемая, что диахронический и синхронический анализ позволяет рассматривать лингвистическую изменчивость как результат социолингвистического воздействия на вариативность.

Поскольку «синергетика представляет собой современную теорию коэволюции больших, сверхсложных, открытых, термодинамически неравновесных, нелинейных динамических систем, обладающих обратной связью и существующих квазистационарно лишь в условиях постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой» [9, с. 8], постольку к таким системам относятся: Вселенная, саморазвивающаяся природа, человеческое общество как её (жизни) высшая форма и продукт создаваемой им самим (человечеством) материальной и духовной культуры.

Синергетическая парадигма – модель познания развивающегося мира, адекватная его (мира) нелинейности и другим названным выше характеристикам, ориентированная на гуманитарные ценности в научных исследованиях. В исследованиях последних лет больший акцент делается на синергетику информационных процессов, иначе – на информационную синергетику, в частности – на синергетическую семиотику, основные принципы которой можно сформулировать так: высшие формы информационно-семиотического обмена реализуются в языках человечества и его культуре; формой становления, существования и развития человеческой культуры является самоорганизация, содержанием которой, в свою очередь, является информация.

«XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вообще. Мы должны понять себя, а в противном случае мы не сможем дальше использовать результаты других наук. Но мы делаем всё возможное и невозможное, чтобы себя не понимать», – говорил известный французский философ, этнолог и культуролог Клод Леви-Стросс [4, с. 287]. И

начало XXI века служит убедительным доказательством правоты приведённого высказывания.

К таким же выводам с естественнонаучных и общегуманитарных позиций приходит и один из ведущих математиков нашего времени Никита Моисеев, автор математической модели «ядерной зимы», которая удерживает пока что противоборствующие стороны от применения ядерного оружия. Отмечая, что синонимом понятия «ноосфера» практически является понятие «коэволюция человека и биосферы» и что «природа и человек суть единое взаимозависящее и взаимодополняющее целое», Никита Моисеев формулирует нравственный императив, требующий подчинения своей индивидуальности определённой общественной необходимости. Без целенаправленного вмешательства коллективного разума человечеству «просто не выжить, не выйти из кризисов, сохранив себя как развивающийся биологический вид, и сохранить свою цивилизацию. Так от вопросов экологии, технологии, политологии мы неизбежно должны перейти к обсуждению проблем эволюции внутреннего мира человека. Найти способы такого воздействия на него, чтобы внутренний духовный мир человека превратился в его основную ценность». В этом «и лежит ключ к самому главному – сохранению вида *homo sapiens* на планете» [14, с. 23].

Человечество пока что не слишком преуспело в становлении на планете «общепланетарного мышления». Однако было бы неверным не замечать качественных изменений в формах сближения двух культур, гуманитарного и естественнонаучного знания, особенно усилившихся на рубеже XXI века. Ещё Мартин Хайдеггер писал: «Когда рушится всё, наступает час философии». Картина мира, которая строилась на протяжении столетий «классической науки и науки неклассической (квантовой и релятивистской физики) как доэволюционная парадигма, сейчас существенно меняется. И неудивительно, что вновь всплывают и оказываются в фокусе философские, общекультурные и даже мифологические смыслы, казалось бы, чисто внутринаучных проблем» [8, с. 12]. Синергетический стиль мышления – это стиль мышления постнеклассической науки. Он представляет собой современный этап развития системного и кибернетического мышления, вследствие развития которого представители естественных наук, например, всё чаще обращаются в своих исследованиях к понятию лингвистической переменной и качественному анализу сложных феноменов и нечётких ситуаций, а гуманитарии всё чаще применяют в культуре и искусстве естественнонаучные методы исследования, см., например, работы Ю.Н. Караулова и М.М. Маковского [4; 12; 13].

Более того, «лингвистика, – считает А.Е. Кибрик, – плохо укладывается в принятое разделение наук на науки гуманитарного и естественно-научного цикла. Специфика лингвистики как области научного знания предопределяется свойствами её объекта. Объект лингвистики – естественный человеческий язык во всех его проявлениях. Язык, с одной стороны, теснейшим образом связан с психической сферой человека и прежде всего с его мыслительной деятельностью и её продуктами, с тем, что называют «духовной сущностью» человека. Язык – неотъемлемая часть человека («без языка нет человека»), одно из основных проявлений его человеческой сути. В этом плане он относится к объектам «идеальной» природы, и поэтому лингвистику правомерно считать гуманитарной наукой. С другой стороны, язык есть естественное образование, возникшее и существующее помимо воли человека, и как таковое он является объектом материальной природы. Это обстоятельство объединяет лингвистику с областями естественнонаучного знания» [5, с. 47].

Промежуточное положение лингвистики между гуманитарными и естественными науками накладывает отпечаток на её методологию, в которой совмещаются гуманитарный и естественнонаучный подход, что даёт возможность безболезненно применять в лингвистических исследованиях теоретические и методологические разработки синергетики. Вместе с тем «язык во всех его проявлениях» сам по себе является чрезвычайно многомерным объектом, что обуславливает возможность изучения его с самых различных точек зрения. Это обстоятельство находит своё отражение в постоянно возрастающей разветвлённости лингвистического знания.

А.В. Кравченко пишет, что «в современной науке о языке наблюдаются два направления интеграционных процессов. С одной стороны, растёт понимание того, что не может быть разных лингвистик (по крайней мере, без ущерба для адекватного понимания сущности языка как эмпирического феномена), поскольку их все объединяет общность объектов. Поэтому язык необходимо рассматривать в совокупности всех его характеристик и проявлений: функционально-дискурсивных, психологических, социальных, семиотических и т.д. С другой стороны, признание эмпирической сущности языка в сочетании с холистическим (некартезианским) подходом ставит вопрос о его физической, биологической природе, а это с неизбежностью предполагает междисциплинарность в исследованиях языка, когда на арену выходит весь комплекс наук о человеке» [10, с. 41–42].

В заключение заметим, что слияние синергетической и антропоцентрической парадигм в лингвистических исследованиях поможет по-

новому взглянуть на языковую систему и её подсистемы, в частности, на такие сложные системы, каковыми являются лексика и фразеология (особенно если принять во внимание их диахроническое рассмотрение), **которые** как раз и являются собой пример сверхсложных, многокомпонентных, динамических, саморазвивающихся систем, находящихся в сложном взаимодействии с внешней средой – окружающим миром, отражаемом в языке, и другими языками в процессе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. – СПб.: Флинта: Наука, 2004.
2. Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В.И. Аршинов. – М.: Наука, 1999.
3. Бергаланфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Бергаланфи // Исследования по общей теории систем: сб. переводов. – М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
4. Караулов, Ю.Н. Лингвистическая генетика. Проблема онтогенеза слова в индоевропейских языках / Ю.Н. Караулов, М.М. Маковский. – М.: Наука, 1992 // ВЯ. – 1993. – № 1. – С. 154–156. Рецензия.
5. Кибрик, А.Е. Константы и переменные языка / А.Е. Кибрик. – СПб.: Флинта: Наука, 2003.
6. Князева, Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса / Е.Н. Князева. – М.: Наука, 1995.
7. Князева, Е.Н. Синергетический вызов культуре / Е.Н. Князева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sky.kuban.ru/socio_etno/iphrRAS/~mifs/knyaze~2001.htm. – Дата доступа: 4.02.2014.
8. Князева, Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994.
9. Копчик, В.А. От редактора / В.А. Копчик // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Наука, 2002. С. 7–14.
10. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.
11. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Прогресс, 1994.
12. Маковский, М.М. Теория лексической аттракции: Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем / М.М. Маковский. – М.: Наука, 1971.
13. Маковский, М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М.М. Маковский. – М.: Наука, 1980.

14. Моисеев, Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – М., 1999. – № 4. – С. 15–30.

15. Тишин, А.И. Лики синергетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/v3/a02.html>. – Дата доступа: 4.02.2014.

16. Урманцев, Ю.А. Предисловие / Ю.А. Урманцев // Карпов В.А. Язык как система. – М.: Наука, 2003. – С. 3–9.

17. Maturana, U., Varela, F. The biology of cognition. – Urbana: BCL Report 9.0, 1980.

Вольга Самусевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

РУБРЫКА «КАЛОНКА РЭДАКТАРА»: ЗМЯСТОЎНА-СТРУКТУРНЫ І СТЫЛІСТЫЧНЫ АСПЕКТЫ

Агульны напрамак змен, што адбываюцца ў апошнія гады ў сферы суб'екта дыскурса СМІ, вызначаецца даследчыкамі медыястылістыкі як «глабальная аўтарызацыя», г.зн. узмацненне асобаснага пачатку ў тэкстах газетнай публіцыстыкі [1, с. 268]. Максімальная адкрыта праявіць сваю аўтарскую пазіцыю, індывідуальнасць і творчае майстэрства дазваляе журналісту менавіта жанр калонкі, што прадстаўляе сабой журналісцкі твор, створаны на аснове кангламерату творчай ідэі аўтара і канцэптуальнай скіраванасці выдання.

Заснавальнік беларускай школы медыядыскурса прафесар В. Іўчанкаў падкрэслівае, што рост папулярнасці аўтарскіх калонак прама прапарцыянальна залежыць ад моўнай асобы аўтара, яго прафесійных здольнасцей [2, с. 139]. Таму зразумела, што да калонкі галоўнага рэдактара прад'яўляюцца самыя высокія патрабаванні па розных параметрах – камунікатыўнай даступнасці, стылістычнай адметнасці, сэнсава-змястоўнай насычанасці, канцэптуальнай адпаведнасці, факталагічнай дасканаласці і этычнай адказнасці. Многія калонкі становяцца своеасаблівай візітоўкай газеты і часта па аргументаванасці і глыбіне аналізу падзеі набліжаюцца да жанра аналітычнага артыкула.

На долю рэдактара выпадае цяпер якая іншая, больш адказная задача – па-свойму, жыва і ярка каментавать падзеі і факты, дзяліцца сваімі думкамі і разважаннямі з чытачом. Сёння чытача ўсё больш цікавяць асабістыя думкі і погляды аўтара на тыя ці іншыя праблемы, «свой» падыход і «свой» стыль разважанняў у творы. *«Две трети работающих в кадре тележурналистов оставляют устойчивое впечатление инкубатора. Иногда думаешь: не папа ли Карло долотом и рубанком сра-*